

В. С. Баевский
(Россия, Смоленск)
(публикуется посмертно)

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

В статье исследуется роль Пушкина в формировании способов литературной имитации народного стиха, рассматриваются этапы формирования метрики и стиля литературных имитаций фольклора у А. С. Пушкина, приводится обширная библиография исследований, посвященных одному из самых сложных для стиховедческого описания циклов Пушкина — «Песням Западных славян», проводятся параллели между тематикой и настроением «Песен Западных славян» и «Истории Пугачева» Пушкина. Автор показывает, как постепенно формируется метрика пушкинских имитаций народного стиха — от «Песни девишек» в «Евгении Онегине», наброска «Как жениться задумал царский арап», двустишия «Расходились по поганскому граду...» (сопровожденного в рукописи схемой метра, где отражены характерные особенности ритмики народного эпического стиха), через «Песни о Стеньке Разине» к «Сказке о попе и работнике его Балде» и незавершенной «Сказке о Медведихе», элементам народного стиха в «Русалке», раннему варианту сцены «Светлица» («Княгиня, княгинюшка») и, наконец, к «Сказке о рыбаке и рыбке» и «Песням западных славян», представляющим вариант передачи на русском материале ритмики общеславянского силлабического десятисложника. Автор отсылает читателя к статье С. Л. Франка «Светлая печаль» в сборнике «Пушкин в русской философской критике» (Москва, 1990), где отмечаются основные особенности эмоционального фона пушкинского творчества, отчетливо проявившиеся в «Песнях Западных славян» — мрачная жестокость окружающего мира, с одной стороны (автор отмечает, что из текстов Мериме Пушкин отобрал для «Песен Западных славян» наиболее мрачные, связанные с темами смерти и жестокости (на 16 баллад приходится 176 смертей, при этом тексты Мериме, где смерть отсутствует, например, «Barcarolle», Пушкиным пропускаются) и в то же время стремление автора к равновесию и гармонии¹.

Ключевые слова: литературные имитации народного стиха, «Песни Западных славян», «История Пугачева».

¹ Оформление списка литературы в соответствии с требованиями журнала, аннотации и ключевые слова выполнены редакторами данного сборника.

Пушкин внимательно следил за новинками французской литературы. Книга «La Guzla» («Гусли») Проспера Мериме вышла в свет в 1827 г., Пушкин прочитал её в 1828.

Во второй половине 20-х гг., после освобождения из ссылки в Михайловском, Пушкин обратился к фольклору, и не только русскому, но и к польскому, сербскому, шотландскому и других народов. Он стремился выработать русскую литературную имитацию народного стиха. Однако в это время он ещё не был готов создать художественный эквивалент «Гуслей» на русском стихотворном языке.

Новейшие классические труды по литературным имитациям русского народного стихосложения прошли мимо роли Пушкина в процессе освоения литературой XIX в. песенного фольклорного наследия [Гаспаров 1997; Бейли 2010]. Настоящие заметки призваны отчасти заполнить эту лакуну.

Первым осознал и выделил роль Пушкина в освоении русской литературой фольклорного песенного наследия славист универсальных знаний и научных интересов основоположник «академического» стиховедения в России И. И. Срезневский (1812–1880). Здесь нет места подробно говорить о его взглядах, о них мы сказали в другом месте [Баевский 1978: 77]. Здесь приведем итоговое суждение Срезневского. Он сам указал своего предшественника, открывшего и освоившего общеславянский песенный десятисложник. «С этим размером нас прежде всех познакомил — кто бы — не зная, отгадать трудно, тем труднее, что он добрался до него одним чутьем, вовсе, кажется, не зная сербских песен, не слышав ни одного сербского звука, не видав вероятно ни одной сербской книги. Это был Пушкин».

«Гусли», насыщенные жестокостью, вдохновили Пушкина на создание «Песен Западных славян» позже. Соотношение двух этих очень сложных текстов не раз становилось предметом исследования [Яцимирский 1909 (это примеч. о благочестии славян по двум первым песням); Jovanovitch 1911; Ярхо 1928; Томашевский 1929; Кравцов 1933; Елизарова 1937; Беркопец 1937; Прийма 1963; Колмогоров 1966; Благой 1975; Измайлов 1975; Макогоненко 1982; Фомичёв С. А. 1983; Фрестье 1987; Меркурьев, Дарвин 1992; Дарвин, Тюпа 2001].

Доминантами эволюции пушкинского творчества являются стили (предромантические, романтический, пучок реалистических стилей) и мегажанры, или жанры-сюзерены, по Д. С. Лихачёву (лирическое стихотворение, лирический цикл, поэма, роман в стихах, трагедия, прозаическая повесть и т. д.). Овладеть новой поэтической формой для Пушкина значило найти её всякий раз сызнова для данного текста. Это художественное задание осуществлялось всегда и неизбежно в рамках определённой литературной школы, определённого жанрового образования, определённого стиля, с привнесением новых языковых средств, при обнаружении новых возможностей в области литературного языка.

Путь Пушкина к «Песням Западных славян» был долг и сложен. Начинается он, насколько нам известно, в селе Михайловском во время ссылки. Первый опыт имитации народного стиха, народной поэзии представлен «Песней девушек» в гл. 4 «Евгения Онегина» (сентябрь — октябрь 1824). К этому же году относится черновой незавершённый набросок в стиле народной песни «Как жениться задумал

царский арап...» о пушкинском предке Ганнибале. В следующем году на обороте черновика «Я помню чудное мгновенье...» Пушкин записывает двустишие:

Расходились по поганскому граду,
Разломали тёмную темницу.
[Пушкин 1937а: 500].

Текст этот в особенности замечателен тем, что под ним Пушкин наметил схему стихотворного метра этих двух строк: он анализировал метрику народного стихосложения, примеряясь к будущим работам.

○ ○ — ○ ○ ○ — ○ ○ — ○
” | ○ — ○ ○ ○ — ○²

В пушкинской схеме точно отмечены главные особенности народного песенного эпического стиха: первое сильное место, обозначенное горизонтальной чертой, как правило ударное, находится на третьем от начала слоге, последнее — на втором от конца, посредине стиха есть ещё одно сильное место; между первым и вторым сильными местами и вторым и третьим может быть от одного до трёх слабых мест (безударных слогов; они обозначены ○). Это не единственная, но самая распространённая форма; она будет применена в «Песнях». В схеме в первом стихе 11 слогов; во втором 10. Десять слогов — наиболее частая длина стиха в «Песнях» (охватывает 62.8% строк). За десять лет до работы над «Песнями» Пушкин нашёл подходящий для них стихотворный метр. Так он понимал проблему народного стиха вслед за Востоковым.

В это же время, в 1824–1826 гг., в Михайловском, Пушкин целенаправленно собирает песенный фольклор и записывает 53 текста. Ещё пять песен он записал во время последнего пребывания в Болдине в 1833 г. Важным опытом на пути к «Песням» стал цикл «Песни о Стеньке Разине» (1826). Он состоит из трёх текстов, причём первый из них написан тем же метром, что и двустишие «Расходились по поганскому граду...». Близкий к этому метр применён в недоработанных опытах 1827 г. «Всем хороши боярские конюшни...» и 1828 г. «Ещё дуют холодные

² Пушкин, записывая схему второй строки, не стал изображать начальную стопу — которая во второй строке такая же, как в первой; иначе говоря, имеется в виду нижеследующая схема:

Расходились по поганскому граду,
Разломали тёмную темницу.

○ ○ — ○ ○ ○ — ○ ○ ○ — ○
○ ○ — | ○ — ○ ○ ○ — ○

— вертикальной чертой отмечена здесь граница первой стопы (а не словораздел!), — это типично для Пушкинского времени и для самого Пушкина, неоднократно использовавшего такую разметку в маргиналиях. (Сейчас подобное обозначение стопораздела изредка встречается в стиховедческих работах, хотя оно необщепринято.) Приведём (предположительно), в Пушкинских обозначениях, полную разбивку на стопы приведённого двустрочного фрагмента:

○ ○ — | ○ ○ ○ — | ○ ○ — (○)
○ ○ — | ○ — | ○ ○ ○ — (○)

(Примечание С. Е. Ляпина)

ветры...» и «Уродился я, бедный недоносок...». К 1828 г. относятся и баллады на фольклорные темы, мотивы и образы «Утопленник» и «Ворон к ворону летит...», выполненные классическим стихом (хореем). Как видим, на протяжении второй половины 20-х гг. область творческого внимания Пушкина к литературной разработке приёмов народно-песенной поэтики всё расширяется.

В 30-е гг. произведения Пушкина, написанные имитациями народного стихосложения, становятся более обширными и значительными. Таковы прежде всего вполне завершённая «Сказка о попе и работнике его Балде» (1830) и недоработанная «Сказка о медведихе» (датируется приблизительно 1830 г.).

Особое место занимает незавершённая трагедия «Русалка», задуманная ещё в 1826 г. В ней эпизоды, написанные пятистопным ямбом и другими классическими метрами, чередуются с имитациями народного стихосложения. К 1830 г. относится ранний вариант сцены «Светлица», написанный народным стихом («Княгиня, княгинюшка...»), в апреле 1832 народным стихом написаны два текста для сцены «Княжеский терем».

Непосредственной предшественницей «Песен» стала «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833). «Сказка» и «Песни» написаны одним и тем же стихотворным метром. «Среди своих современников Пушкин был настоящим знатоком русской песни и сказки» [Томашевский 1961: 387].

Приезд в Россию в начале 20-х гг. выдающегося деятеля сербского культурного возрождения Вука Караджича привлёк внимание русских писателей, в том числе Пушкина, к изданным им сборникам сербских народных песен [Томашевский 1961: 277–278]. Так что увлечение Пушкина книгой имитаций сербских народных песен, созданной Мериме, было основательно подготовлено. И всё же «Песни Западных славян» стали всеобъемлюще новаторским творением Пушкина. Именно здесь он блестяще осуществил своё стремление создать литературный эквивалент народного стиха³.

Это был подвиг. Упорная работа Пушкина в этой области не встречала понимания и поддержки у современников. «Ни его сказки, ни “Песни Западных славян” не получили никакого признания» [Томашевский 1961: 389, см. также 437–438]. Только через сто лет пришло понимание заслуг Пушкина в деканонизации книжной культуры в России.

Пушкин переложил 11 из 30 баллад Мериме и присоединил к ним ещё 5, заимствованных из других источников. Среди стихотворений Мериме он выбрал самые трагические, самые кровавые. Он не перевёл, например, «Bacarolle», где смертей нет вообще. Во всём творчестве Пушкина нет стихотворений, так насыщенных жестокостью, даже отдалённо, как этот цикл.

В 16 балладах цикла представлено 176 смертей. Кроме этого, в трёх из баллад изображены массовые убийства людей без счёта. Здесь убивают по причинам религиозной розни; убивают из мести, из ревности; в наказание за измену, истинную или воображаемую; убивают в бою; убивают без всякой причины; девушка, брошенная возлюбленным, кончает жизнь самоубийством. Пушкин изображает убийства

³ В новейшей литературе о «Песнях западных славян», даже когда заходит речь о стихосложении цикла, не учитываются, видимо оставшиеся неизвестными авторам, две капитальные работы: [Трубецкой 1987; Колмогоров 1966].

кровных родственников: братоубийство, отцеубийство, детоубийство, убийство жены мужем. Всё это происходит с невероятной жестокостью: в двух балладах с живых людей сдирают кожу; людей вешают и обезглавливают; в одной из баллад обезглавливают за раз массу людей, а головы их водружают на пики; людей отравляют; осаждённые сходят с ума и умирают от голода; ребёнок погибает из-за укуса вампира; в двух балладах женщин четвертуют, привязав каждую к четырём лошадям. Когда в балладе нет убийств, в ней жгут деревни и насилюют женщин.

«Песни Западных славян» — не первое, а второе обширное произведение Пушкина, посвящённое исследованию мрачных глубин сознания и человеческого поведения. Им предшествовала «История Пугачёва», начатая в январе и завершённая в ноябре 1833 г. В ней Пушкин описал 9575 убийств, часто с необыкновенно жестокими подробностями, каких, при своём безукоризненном художественном такте, никогда не допускал в художественных произведениях до «Песен Западных славян». Например, *С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распорядившемуся казнию её родителей. Пугачёв поражён был её красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для неё семилетнего её брата*. Потом и они были убиты — расстреляны, сообщает Пушкин. Ещё 1745 убитых поимённо названо в списке жертв, приведённом в обширнейшем примечании. На протяжении всей книги Пушкин называет восставших канальями, часто злодеями и сволочью. Он имел основание написать в «Капитанской дочке»: *Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный*.

В самый разгар работы над «Историей Пугачёва», между 17 и 19 августа 1833 г., мысли Пушкина вернулись к «Гусям» Проспера Мериме. Осенью 1833 г., подойдя к концу работы над «Историей Пугачёва», Пушкин принялся за «Песни Западных славян», написал этот цикл в течение 1834 г. и опубликовал в 1834–1835 гг. [Фомичёв 1986: 239–252; Фомичев 1987: 164–167]. «Историю» и «Песни» невозможно рассматривать порознь. «История» — предтеча «Песен». «Песни» — следствие «Истории».

Эти два произведения обычно не относят к центральному в творчестве Пушкина и не рассматривают в одном ряду, например, с романтическими элегиями, «Евгением Онегиным», «Борисом Годуновым», «Медным всадником», каменноостровским лирическим циклом, «Капитанской дочкой». Необузданная, чудовищная жестокость предводителя и его войска, изображённая в «Истории Пугачёва», значительно смягчена и показана лишь в немногих эпизодах «Капитанской дочки» наряду с порывами великодушия Пугачёва. А после проникнутых жестокостью «Песен западных славян» Пушкин создаёт исполненный христианских чувств каменноостровский цикл лирики. Как невозможно рассматривать порознь «Историю» и «Песни», так следует рассматривать в единстве «Капитанскую дочку» (1833 — октябрь 1836) и каменноостровский цикл лирики, созданный летом 1836 г.

Творческий путь Пушкина следует обозреть и с такой точки зрения: как он изучает и представляет в своих произведениях русский народный характер. Впечатление такое, что сначала он над этим вообще не задумывается; в Лицее и после Лицея он проходит литературную школу, овладевает различными культурными традициями — русского

сентиментализма, вольтерьянства, Оссиана, лёгкой поэзии, в особенности её элегической струи, преддекабристской революционности. В байроническом творчестве Пушкина русский человек представлен в гарольдовом плаще. Начиная с «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», Пушкин сознательно исследует русский народный характер на самых разных ступенях социальной лестницы. Одновременно, отпустив свой гений на простор мировой культуры, освободив его от ограничений, Пушкин погружается в глубины человеческого характера, приходит к всечеловечности. От «Повестей Белкина» переходит к «Маленьким трагедиям», от «Истории Пугачёва» — к «Песням Западных славян». В отдалённой перспективе это движение пушкинского гения прокладывает путь русскому семейному, бытовому, социальному, психологическому, философскому роману второй половины XIX в.

«История Пугачёва» и «Песни Западных славян» по своей свободе от условностей занимают совершенно особое место. Во всей русской литературе мы если найдём, то не сразу и не часто, примеры такой массовой и невообразимой жестокости. А с чего всё это началось?

После воцарения Николая I и освобождения из ссылки Пушкин стал искать новые пути в жизни. Позже он выразил это в присущей ему лаконичной эпистолярной манере. В апреле 1834 г., на Пасху, он пишет жене из Петербурга в Москву: «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен: царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трёх царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упёк меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвёртого не желаю; от добра добра не ищут» [Пушкин... 1990]. Следовало выбирать способ существования в рамках жестокого николаевского режима. Путеводными идеями Пушкину рисовались государственность, христианство, семья. Если бы ему удалось вполне осуществить свои идеалы, мы бы увидели нечто величественное, гармоничное.

Однако перед историческим взглядом Пушкина встало государство, созидающее величие России, растаптывая человеческие судьбы. Полнее всего это выразилось в «Медном всаднике» и «Капитанской дочке». Пушкину был особенно близок Евгений — потомок славного обедневшего дворянского рода — с его мечтой о своём доме, своей семье. В судьбе Евгения он провидел свою судьбу.

Христианство... Тяжёлый, но плодотворный кризис 1820–1824 гг., пережитый Пушкиным во время южной ссылки, повернул его от юношеского вольтерьянства и кощунственной «Гавриилиады» к религиозной проблематике. В ноябре 1824 г., вскоре после приезда в Михайловское, он пишет брату в Петербург: «Библию, Библию, и французскую непременно! [Пушкин 1937:122]. Однако движение Пушкина к христианству было остановлено смертью. Самого пристального внимания заслуживает мысль В.С. Соловьёва: Пушкин в конце жизни пришел к христианским убеждениям, но погиб потому, что не научился подчинять им свои страсти [Соловьёв 1990: 28–29 и др.]».

Семья... После освобождения из ссылки Пушкин мечтал построить свою идиллию — тёплый, уютный, укромный уголок посреди мертвяще-холодного, равнодушно-враждебного мира, обступившего со всех сторон. Этот момент развития, как сказал бы Гегель, с большой силой показал Ю.М. Лотман [Лотман 1983: 176–178].

Жена, дети.
Дом.
Размеренный упорядоченный быт.
Постоянный плодотворный творческий труд.

Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.
[Пушкин 1937: 201 (Курсив Пушкина!)]

Вскоре после возвращения Пушкина в Москву состоялась свадьба. И Пушкин смог, наконец, приступить к особому рода творчеству — к строению своей семьи. И следующие 1831 и 1832 годы представляют собой единственный в биографии Пушкина период творческой разрядки. Никогда ни до ни после Пушкин не писал так мало.

В течение этих двух лет написано всего несколько лирических стихотворений и «Сказка о царе Салтане», идёт работа над несколькими эпическими, драматическими, историографическими замыслами, но ни один из них не завершён. Лирика этого двухлетия, так сказать, менее лирична, чем пушкинская лирика до и после. Поэт словно бы ищет новый путь в литературе, переходя от одного опыта к другому, перебирая разные возможности.

И вот после двух лет поисков он нащупал то, что ему было нужно, и погружается в «Историю Пугачёва», в которой исследует русский народный характер в его крайностях и психологические глубины человеческой личности. Однако историография не была его родным языком. Его родным языком была поэзия. Завершив своё историческое исследование, Пушкин переходит к художественному исследованию психологических глубин человеческой личности в «Песнях Западных славян». Особенно обратим внимание на работы, рассматривающие «Песни» именно как цикл⁴. Осенью 2003 г. я получил приглашение на конференцию «Мериме и Тургенев — первые послы русской культуры во Франции». Её организовало Общество Тургенева — Виардо в Париже. Я прочитал доклад «Мериме — соавтор Пушкина в “Песнях Западных славян”».

В статье С. Л. Франка «Светлая печаль» [Пушкин... 1990] выражено справедливое удивление тем, как мало замечен исследователями трагический элемент поэзии Пушкина. Философ утверждает, что это — одна из главных составляющих его поэзии. Подбором и анализом примеров он показывает, что Пушкин, выйдя из лет ученичества, постоянно изображал власть тёмных демонических сил над человеком. В мире человек одинок, и ему грозит безумие. Он весь во власти губительных страстей, его влечёт к гибели. Франк писал в свободной эссеистической манере и оперировал наиболее известными текстами Пушкина. Он обошёл «Историю Пугачёва» и «Песни Западных славян», которые дают наиболее убедительное подтверждение его мыслей во всём пушкинском творчестве.

⁴ Особенно следует выделить серию работ, посвящённых изучению «Песен западных славян» именно как цикла: [Измайлов 1975; Фомичёв 1983; Меркурьев, Дарвин 1992; Дарвин, Тюпа 2001].

Однако на этом анализ Франка не останавливается. Он показывает, что наряду с трагическим, в личности и творчестве Пушкина есть прекрасный глубинный слой духовного покоя и светлой радости. Пушкину не удалось душевное умиротворение, он до конца жизни не совладал со своими мятежными страстями (это Франк отмечает вслед за В. С. Соловьёвым), но он пришёл к гармоничному религиозному мировоззрению и мироощущению, к духовному просветлению.

Франк прозорливо разглядел и указал центральное противоречие пушкинского духовного и поэтического мира — противоречие между трагическим мировосприятием и просветлённым, религиозным взглядом на мир, которого он достиг к концу жизненного пути. Мы видим, что это противоречие находит разрешение в самой глубине пушкинской личности. В жизни оно привело, увы, к гибели поэта в расцвете его творческих сил, а в творчестве дало такие предсмертные шедевры, как каменноостровский цикл лирики и «Капитанскую дочку».

Каждый большой художник противоречив. Без больших противоречий нет большого искусства. Эстетическая реакция порождается столкновением противоположных эмоций, как электрический ток — противоположно заряженными полюсами. Это показал в своих исследованиях Л. С. Выготский. Без любого из полюсов эстетическая реакция не пойдёт. В «Истории Пугачёва» и «Песнях Западных славян» трагические переживания достигли небывалой концентрации и силы. Сталкиваясь и сочетаясь с всё укреплявшимся религиозным сознанием Пушкина, они породили антиномию, из которой возникли и «Медный всадник», и «Пиковая дама», и «Капитанская дочка», и прекрасная, величественная лирика последних лет.

Литература

Бейли Д. Три русских народных лирических размера. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Баянский В. С. Академик И. И. Срезневский — исследователь народного стиха // Проблемы языка и стили в литературе. Волгоград, 1978.

Беркопец О. Пушкинские переводы сербохорватских песен // *Slavia (Praha)*, 1937. Roč. 14. Seš. 3. С. 416–440.

Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном // *Славяне и Запад*. М., 1975.

Гаспаров М. Л. Русский народный стих // *Гаспаров М. Л. Избранные труды*. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 1997.

Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина. Новосибирск: Наука, 2001.

Елизарова М. Е. «Гюзла» и «Песни западных славян» // *Литературная учёба*. 1937. № 12.

Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-х — 30-х годов // *Очерки творчества Пушкина*. Л., 1975.

Колмогоров А. Н. О ритме пушкинских «Песен западных славян» // *Русская литература*. 1966. № 1.

- Кравцов Н.* Сербские юнацкие песни // Сербский эпос. М.; Л.: Academia, 1933.
- Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин. Изд. 2-е. Л.: Просвещение, 1983. С. 176–178.
- Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830 годы (1833–1836). Л., 1982.
- Меркурьев И. К., Дарвин М. Н.* К вопросу о художественной функции примечаний в цикле «Песен западных славян» Пушкина // Исторические пути и художественные формы циклизации в поэзии и прозе. Кемерово, 1992.
- Прийма Ф. Я.* Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Из истории русско-славянских литературных связей XIX века. М.; Л., 1963.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 2. Sine loco: Изд. АН СССР, 1937.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 6. Sine loco: Изд. АН СССР, 1937.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. Sine loco: Изд. АН СССР, 1937.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 15. Sine loco: Изд. АН СССР, 1948.
- Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
- Соловьёв В. С.* Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
- Томашевский Б. В.* О стихе. Л., 1929.
- Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. М.; Л.: АН СССР, 1961.
- Трубецкой Н. С.* К вопросу о стихе «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987.
- Фомичёв С. А.* «Песни западных славян» Пушкина // Духовная культура славянских народов. Л., 1983.
- Фомичёв С. А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986. С. 239–252;
- Фомичёв С. А.* Комментарии // Pr. Mérimée. А. С. Пушкин. М.: Радуга, 1987. С. 164–167.
- Фрестье Ж.* Проспер Мериме. М., Радуга, 1987.
- Ярхо Б. И.* Свободные звуковые формы у Пушкина // Ars poetica, 1928.
- Яцмирский А. И.* «Песни западных славян» // Пушкин. Соч. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3.
- Jovanovitch V. M.* «La Guzla» de Prosper Mérimée. Paris, 1911.

Vadim S. Bayevsky
(Russia, Smolensk)
(posthumous publication)

GRIEF AND HARMONY

This article studies the role of A. S. Pushkin in creating imitations of folk verse within Russian literary verse. Stages in forming meters and the style of folk imitations are described. The article provides a vast bibliography on “Pesni zapadnykh slavyan” (“Songs of Western Slavs”), one of the most intricate in terms of meter among

Pushkin's cycles. The topics and general mood of "Pesni zapadnykh slavyan" have much in common with "Istoriya Pugacheva", written approximately in the same period. The author shows how the meter of folk imitations is gradually formed: from "Pesnya devyshek" in "Evgeniy Onegin", a draft poem "Kak zhenitsya zadumal tsarskiy arap...", and a couplet "Raskhodilis po poganskomu gradu" (accompanied in Pushkin's manuscript by a rhythmical scheme showing the main features of folk epic poetry) to "Pesni o Stenke Razine", "Skazka o pope i rabotnike ego Balde", and finally to "Skazka o rybake i rybke" and "Pesni zapadnykh slavyan", which comprise Pushkin's imitation in Russian of the rhythm of the Old Slavonic decasyllabic meter. The mood and topics of the "Songs of the Western Slavs" are derived from the very dramatic historical narration of "History of Pugachev," which is full of grief and death. Thus, in using Prosper Mérimée's well known "La Guzla" as the source for his storylines in the "Songs of the Western Slavs" Pushkin chose Mérimée's darkest plots (176 deaths occur in Pushkin's 16 songs).

Key words: literary imitations of folk verse, "Songs of Western Slavs", "History of Pugachev".

References

Bailey J. *Tri russkikh narodnykh liricheskikh razmera* [Three Russian lyric folk song meters]. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury Publ., 2010.

Baevskii V. S. Akademik I. I. Sreznevskii — issledovatel' narodnogo stikha [I. I. Sreznevsky as a researcher of folk verse]. *Problemy yazyka i stilya v literature* [Problems of language and style in literature]. Volgograd, 1978.

Berkopets O. Pushkinskie perevody serbokhorvatskikh pesen [Pushkin translations of Serbo-Croatian songs]. *Slavia* (Praha), 1937. Roč. 14. Seš. 3. Pp. 416–440.

Blagoi D. D. Dva stikhotvoreniya Pushkina o Georgii Chernom [Two poems by Pushkin about George Chernyi]. *Slavyane i Zapad* [Slavs and the West]. Moscow, 1975.

Fomichev S. A. "Pesni zapadnykh slavyan" Pushkina ["Songs of the Western Slavs" by Pushkin]. *Dukhovnaya kul'tura slavyanskikh narodov* [The spiritual culture of the Slavs]. L., 1983.

Fomichev S. A. *Poeziya Pushkina: Tvorcheskaya evolyutsiya* [The poetry of Pushkin: Creative evolution]. L., Nauka Publ., 1986. Pp. 239–252;

Fomichev S. A. Kommentarii [Comments]. *Pr. Mérimée. A. S. Pushkin*. Moscow, Raduga, 1987. Pp. 164–167.

Frest'e Zh. *Prosper Merime* [Prosper Mérimé]. Moscow, Raduga, 1987.

Gasparov M. L. Russkii narodni stikh [Russian folk verse]. Gasparov M. L. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Vol. 3. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury Publ., 1997.

Darvin M. N., Tyupa V. I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina* [Cyclization in the works of Pushkin]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001.

Elizarova M. E. "Gyuzla" i "Pesni zapadnykh slavyan" ["Gusla" and "Songs of the Western Slavs"]. *Literaturnaya ucheba*. 1937. No.12.

Izmailov N. V. *Liricheskie tsikly v poezii Pushkina kontsa 20-kh — 30-kh godov* [Lyrical cycles in Pushkin's poetry of the late 20-ies — 30-ies of the]. *Ocherki tvorchestva Pushkina* [Essays on creativity of Pushkin.]. L., 1975.

Kolmogorov A. N. O ritme pushkinskikh “Pesen zapadnykh slavyan” [About the rhythm of Pushkin's “songs of the Western Slavs”]. *Russkaya literatura*. 1966. No. 1.

Kravtsov N. Serbskie yunatskie pesni [Serbian yunatska songs]. *Serbskii epos* [Serbian epic]. M.; L.: Academia Publ., 1933.

Lotman Yu. M. A. S. *Pushkin*. 2-d edition. L.: Prosveshchenie Publ., 1983. Pp. 176–178.

Makogonenko G. P. *Tvorchestvo A. S. Pushkina v 1830 gody (1833–1836)* [The work of A. S. Pushkin in 1830 (1833–1836)]. L., 1982.

Merkur'ev I. K., Darvin M. N. K voprosu o khudozhestvennoi funktsii primechanii v tsikle “Pesen zapadnykh slavyan” Pushkina [To the question of the artistic features of the notes in the cycle “Songs of the Western Slavs” by Pushkin]. *Istoricheskie puti i khudozhestvennye formy tsikliza-tsii v poezii i proze* [Historical development and artistic form of cyclization in poetry and prose]. Kemerovo, 1992.

Priima F. Ya. Iz istorii sozdaniya “Pesen zapadnykh slavyan” A. S. Pushkina [From the history of the “songs of the Western Slavs” by A. S. Pushkin]. *Iz istorii russko-slavyanskikh literaturnykh svyazei XIX veka* [From the history of Russo-Slavonic literary relations of the nineteenth century]. M.; L., 1963.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 2. Sine loco: Izd. AN SSSR Publ., 1937.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 6. Sine loco: Izd. AN SSSR Publ., 1937.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 13. Sine loco: Izd. AN SSSR Publ., 1937.

Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 15. Sine loco: Izd. AN SSSR Publ., 1948.

Pushkin v russkoi filosofskoi kritike [Pushkin in Russian philosophical criticism]. M., 1990.

Solov'ev V. S. Sud'ba Pushkina [The fate of Pushkin]. *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike* [Pushkin in Russian philosophical criticism]. M., 1990.

Tomashevskii B. V. *O stikhe* [About the verse]. L., 1929.

Tomashevskii B. V. *Pushkin*. Vol. 2. M.; L.: AN SSSR Publ., 1961.

Trubetskoi N. S. K voprosu o stikhe “Pesen zapadnykh slavyan” A. S. Pushkina [To the question of verse “Songs of the Western Slavs” by A. S. Pushkin]. Trubetskoi N. S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works in Philology]. Moscow, Progress Publ., 1987.

Yarkho B. I. Svobodnye zvukovye formy u Pushkina [Free sound forms by Pushkin]. *Ars poetica*, 1928.

Yatsimirskii A. I. “*Pesni zapadnykh slavyan*” [“Songs of the Western Slavs”], Pushkin. Soch [Pushkin. Works]. S. A. Vengerova (Ed.). SPb., 1909. Vol. 3.

Yovanovitch V. M. «*La Guzla*» de Prosper Mérimée [The Guzla by Prosper Mérimée]. Paris, 1911.